

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

**ЧЕБОКСАРСКОГО ФИЛИАЛА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

№1 (6) 2014

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ткаченко В.Г.

На основе архивных источников, официальных документов органов государственной власти Чувашской Республики и органов местного самоуправления, материалов средств массовой информации предпринята попытка осветить малоизученные проблемы, связанные с историей создания и функционированием городской и муниципальной символики в Чувашской Республике в контексте дореволюционной, советской, и современной российской геральдической культуры.

Ключевые слова: геральдика, геральдическая система, городские гербы, муниципальные символы, флаги

Возникновение особых отличительных знаков населенных пунктов – муниципальных символов, как олицетворение их самостоятельности в решении вопросов местного значения в интересах населения – явление, порожденное политическими и административными реформами в России на рубеже двух столетий. Особая роль местной символики с точки зрения ее экономической, политической, культурологической, воспитательно-патриотической и прочих составляющих обусловлена рядом факторов. Во-первых, это средство сигнификации, причем, не только возможность самообозначения среди прочих субъектов, но и способ объединения людей через использование определенных знаков и образов. Во-вторых, современные муниципальные символы (исторические или создаваемые вновь) неизменно выступают в роли связующей нити между прошлым, настоящим и будущим определенной территории. Неслучайно усиление роли местного самоуправления совпало с повышенным интересом граждан к отечественной истории, потребностью узнать больше о своем родном крае, городе, поселке, селе. В-третьих, выходя за пределы своего художественного воплощения, эти символы не ограничиваются узкими рамками отдельного населенного пункта или даже региона, а становятся частью геральдической системы страны.

Таким образом, проблема обретения муниципальным образованием собственных символов – герба и флага, а также других объектов, олицетворяющих конкретную территорию, – намного глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Она породила немало вопросов, которые предстоит решать региональным руководителям органов власти и местной общественности, историкам, краеведам, гербоведам, художникам-геральдистам, в том числе: на какой правовой основе должны строиться взаимоотношения в этой весьма специфической сфере общественных отношений; как совместить традицию и современность при создании муниципальных символов современных индустриальных

городов, центров сельских районов, рядовых городских и сельских поселений; каков научно-информационный потенциал геральдики в развитии исторического краеведения и сохранении историко-культурного наследия конкретного населенного пункта и региона в целом; какова ее роль в формировании массового сознания? К сожалению, большинство из них пока еще остается без ответа.

Современный уровень научного осмысления проблем, связанных с функционированием системы муниципальной символики, можно оценить как недостаточный. При большом количестве научно-популярных изданий, появившихся в последнее время [1], глубоких обобщающих исследований исторического, политологического, культурологического, искусствоведческого плана по проблемам современной муниципальной геральдики пока еще мало [2].

К сожалению, работы научного характера по данной проблематике практически отсутствуют в Чувашии. Анализ библиографии показывает, что из всех публикаций на эту тему только одна вышла в научном издании. Ее автор – заместитель министра юстиции Чувашской Республики, кандидат юридических наук М.А. Кузьмин впервые поднял вопросы правового регулирования формирующейся системы муниципальных символов в Чувашии. [3] Кроме того, краткий очерк истории государственных символов Чувашской Республики и символики муниципальных образований дан в научно-популярном издании «Гербы и флаги современной Чувашии», вышедшей в 2013 году. [4] Все остальное – статьи, корреспонденции, выступления в прессе, интервью и другие материалы, опубликованные в российских и республиканских средствах массовой информации. То есть, тон в обсуждении проблем муниципальной символики задают не научные издания, а пресса.

Сложившаяся ситуация, очевидно, обусловлена относительной новизной процессов в сфере местного самоуправления. Возможно, это свидетельствует также и о недооценке представителями научного сообщества перспектив подобного рода исследований. Наконец, отсутствует и четко обозначенный социальный заказ на такие исследования. По крайней мере, он пока никак не артикулирован ни на уровне органов государственной власти Чувашии, ни на уровне органов местного самоуправления, ни на уровне общественных объединений граждан. К сожалению, все происходящее в данной сфере поддерживается, в основном, усилиями энтузиастов.

В задачи предлагаемой статьи входит освещение отдельных аспектов, связанных с историей создания и функционированием городской и муниципальной символики на региональном уровне – в Чувашской Республике – в контексте дореволюционной, советской и современной российской геральдической культуры.

В истории городской геральдики на территории Чувашии можно выделить три периода: первый – с начала XVIII в. до 1917 г.; второй – с конца 1960-х гг. до 1991 г.; третий – с начала 1990-х гг. по настоящее время.

Первый из них, связанный с зарождением системы геральдических символов российских городов, достаточно подробно изучен. [5] Поэтому остановимся лишь на основных аспектах, оказывавших влияние на ее становление в городах местного края.

Появлению и утверждению системы городских гербов в Российской империи предшествовал ряд важных событий. Прежде всего, в соответствии с реформой 1708 г. произошли существенные изменения в административно-территориальном делении государства. Страна была поделена на 8 губерний – Азовскую, Архангелогородскую, Ингерманландскую (с 1710 г. – Санкт-Петербургскую), Казанскую, Киевскую, Московскую, Сибирскую и Смоленскую. К их административным центрам – губернским городам – были приписаны города, ставшие, в свою очередь, центрами уездов. Так, к Казани, кроме прочих, были приписаны города Алатырь, Цивильск, Чебоксары и Ядрин с уездами – будущие муниципальные образования современной Чувашской Республики. До начала областной реформы 1719–1720 гг., предусматривавшей учреждение провинций, количество губерний в стране увеличилось до 11 (появились Астраханская, Нижегородская и Рижская губернии). В результате этой реформы Цивильск и Чебоксары оказались в составе Свияжской провинции Казанской губернии, а Алатырь, ставший центром провинции, и приписанные к нему города Курмыш и Ядрин – в Нижегородской губернии. [6]

Как отмечают исследователи, в основе этих реформаторских устремлений Петра I лежали интересы полицейско-фискального характера. [7] Ко времени проведения второй реформы Россия, успешно завершавшая Северную войну, обладала не только одной из самых сильных, но и самых крупных армий в Европе. Существенные изменения претерпела система ее комплектования. В отличие от допетровской она стала не только регулярной, но и постоянной, то есть в мирное время не распускалась по домам как прежде. Содержать такое войско для государственной казны было делом нелегким. Создавая армию, отмечал А.А. Кизеветтер, Петр I «решил распределить ее отдельными частями по губернским округам с тем, чтобы каждая часть содержалась на сборы с населения соответствующей губернии, в пределах которой она будет расквартирована <...> Собрать с губернии положенные по табели сборы и своевременно доставить их в соответствующие полки – в этом заключалась главная сущность, альфа и омега административных задач, возложенных на губернатора». [8]

Так, именованным указом от 14 января 1711 г. предписывалось «<...> разделить по губерниям полки: первое в армии будущая, потом в гарнизонах по данным табелям, потом Флот, Посольскую Канцелярию и Артиллерию, сие все расположить из доходов, которые прошлаго года средня положены на Губернии» [9], а уже 19 февраля 1711 г. Петром I были утверждены «Штаты кавалерийских и пехотных полков, с показанием расположения оных по губерниям». Всего, согласно этому документу, русская армия должна была состоять из 85 пехотных (42 полевых и 43 гарнизонных) и 33 кавалерийских полков. [10]

Расписанные по губерниям, полки не только содержались за их счет, но и стали именоваться по месту своей дислокации. В дальнейшем это обстоятельство предопределило использование изображений городских гербов на полковых знаменах. Так, на докладе Военной коллегии «О именовании полков по провинциям, где квартировать будут; о подписывании патентов Ober-офицерам; о конфирмации и учинении экзекуций по кригсрехтам; о предоставлении права полным Генералам производить в Ober-офицеры и давать отставку от службы и о почитании знатными дворянами людей достойных» от 11 но-

ября 1724 г. Петром I были наложены следующие резолюции: о наименовании полков – «Когда все полки действительно квартиры примут, тогда всех именовать по провинциям тех квартир»; в отношении использования гербов на полковых знаменах – «Где есть гербы, оные иметь; а где нет, новые надлежит учинить гербы». [11]

Последнее указание было продублировано уже после смерти Петра определением Военной коллегии от 17 июня 1725 г. В нем, в частности, предписывалось: «А коим провинциям по гербовнику гербов нет, а полки в те провинции расположены ж, и о учинении оных гербов и о присылке в Военную коллегию послать к герольдмейстеру промеморию». [12]

Работа над полковыми знаменами и, соответственно, над городскими гербами была поручена товарищу герольдмейстера графу Франциску Санти, которому 6 июля 1725 г. была передана книга со старыми гербами. [13] В Реестре рисунков гербов, отданных Ф. Санти из Военной коллегии, среди прочих значился и герб Казанский. [14]

Полагая, что городской герб должен в своем рисунке отражать хозяйственную деятельность города, его место в политической жизни государства, территориальные и природные особенности, исторические события, наложившие отпечаток на его развитие, Ф. Санти определил круг сведений, необходимых, по его мнению, для составления гербов и разработал вопросник, рассылавшийся по городам империи. [15] То есть им были заложены важные принципы создания гербов, которые в дальнейшем широко использовались геральдическим ведомством Российской империи.

К февралю 1727 г. расквартирование полков закончилось. Причем оказалось, что у Алатырской провинции, в которой дислоцировался Владимирский драгунский полк, герба не было. [16] В феврале-мае того же года были уточнены названия полков с указанием числа душ, на плечи которых легла обязанность по их содержанию. Так бывшие Троицкий и Владимирский драгунские полевые полки стали именоваться соответственно Первым и Вторым Алатырскими. [17] Одновременно были установлены цвета полковых знамен. Согласно «Реестру расцветки знамен в полевых и гарнизонных полках» знамена обоих алатырских полков должны были быть брусничными, а зубцы по углам полотнища – зелеными. Возможно, именно брусничный цвет этих знамен сыграл определенную роль при выборе финифти будущего герба Алатыря. Учитывая то, что в это время Алатырская провинция герба еще не имела, на знаменах предполагалось поместить вензель Екатерины I. [18] Однако, в связи с последовавшей вскоре кончиной императрицы высочайшим указом от 6 июня 1727 г. ее вензель был заменен на вензель Петра II. [19] Одновременно было подтверждено решение «в полки знамена делать по прежнему определению – по провинциям». [20]

К ноябрю того же года ситуация с Алатырскими полками изменилась. Так, в Реестре полевым и гарнизонным драгунским и пехотным полкам, приложенном к именному указу из Верховного Тайного Совета Сенату от 6 ноября 1727 г. они не значились. [21] Очевидно, именно поэтому все последующие решения верховной власти по вопросам создания гербов для их размещения на полковых знаменах никак не повлияли на появление в данный период геральдиче-

ского символа ни у Алатырской провинции, ни у Алатыря. По понятным причинам (в перечисленных законодательных актах речь шла о расквартировании полков по провинциям и создании гербов провинций же) гербы Цивильска, Чебоксар и Ядрина на данном этапе появиться не могли. Это стало возможным значительно позднее – лишь в результате реформы 1775 г., когда эти города выделились в самостоятельные административные единицы.

Необходимо также отметить, что к концу 1727 г. появилось изображение Симбирского герба. Так, в расписании полевых, гарнизонных и ландмилиционных полков, составленном Военной коллегией в ноябре–декабре 1727 г., напротив Симбирского гарнизонного полка (бывшего Смоленского) имеется следующая отметка о гербе: «Есть, вновь учинен». [22] В этом же документе указывалось на отсутствие гербов у 39 городов. В приведенном списке Алатырь отсутствовал [23], как, впрочем, не были упомянуты и оба алатырских полка в самом расписании.

В связи с возникшей заминкой в разработке городских гербов и, соответственно, создании полковых знамен по причине ареста и ссылки в июне 1727 г. Ф. Санти, заподозренного в причастности к антиправительственному заговору, работа над гербами и знаменным гербовником перешла в ведение Военной коллегии. Ее определением от 11 декабря 1727 г. герольдмейстеру предписывалось немедленно составить рисунки недостающих гербов и представить их на утверждение в Сенат и Верховный Тайный совет. [24]

Именным указом Петра II от 7 июня 1728 г. «О бытии в полках знаменам с изображением Российского государственного герба и городского», объявленном из Верховного тайного совета Военной коллегии, было вновь подтверждено принятое еще Петром I решение помещать на полковые знамена гербы городов «по которым полки званиями состоят <...>, а в полках же, не имеющих городских гербов, до конфирмации Гербовника, быть старым знаменам». [25] Интересно, что согласно реестру имеющихся в Военной коллегии рисунков гербов, составленном 15 июля 1728 г., из городов Казанской губернии такой рисунок имелся лишь у Казани.

Завершить работу над созданием «Знаменного гербовника» было поручено графу Бурхарду Миниху. [26] Для этой цели им был привлечен художник А. Баранов. В конце мая 1729 г. Б. Миних представил на утверждение в Военную коллегию 91 вновь составленный герб. [27] В подготовленном им перечне значились, в том числе, следующие гербы и их описания: «10. Казанский. Змей черный под короною золотою казанскою, крылья красные, поле белое. <...> 43. Симбирский прежний старый. На столбе белом золотая корона, поле лазоревое». [28] Получив одобрение в марте 1730 г., «Знаменный гербовник» послужил основой не только для «строения» полковых знамен, но для создания городских гербов уже в эпоху Екатерины II.

В качестве еще одной предпосылки создания городской символики необходимо отметить сенатский указ от 10 августа 1724 г. «О сделании во всех присутственных местах для запечатывания судных дел печатей». Им предписывалось «как в Полицейских Канцеляриях, так и в Надворных Судах и во всех судебных местах сделать печати, а именно: в Губерниях и провинциях и в городах, которые имеют герб, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то

нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской Конторе, и с оных отослать те рисунки для розсылки во все судебные места в Юстиц-Коллегию; и для того всей Российской Империи прежним гербам рисунки взять в ту Герольдмейстерскую Контору из Иностранной Коллегии». [29]

Как отмечает Н.А. Соболева, «в Военной коллегии под влиянием насущной потребности помещать изображение городского герба на знаменах полков сосредоточились рисунки многих городских гербов». При этом созданные для нужд военного ведомства отличительные знаки городов мало использовались в городской практике. Например, в 1730-е годы лишь в отдельных городах были печати с изображением гербов, хотя их изображения уже имелись в «Знаменном гербовнике». [30]

Важным фактором в развитии городской геральдики стала губернская реформа 1775 года. Созданная Петром I сложная система местных органов государства была разрушена после его смерти. Законом от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» она была создана заново. [31] Желая «снабдить империю нужными и полезными учреждениями для умножения порядка всякого рода и для беспрепятственного течения правосудия» [32], Екатерина II, наряду с губернскими и уездными органами управления, предусмотрела в данном акте создание соответствующих структур для управления городами (глава XX). В ходе реализации закона было пересмотрено и административное деление России. Все это создало необходимые предпосылки для формирования системы городских гербов.

Хотя формально первое официальное пожалование городского герба состоялось в октябре 1767 г. (этой чести была удостоена Кострома), массовое учреждение геральдических символов городов Российской империи пришлось на конец 1770-х – первую половину 1790-х годов. В этот период территория современной Чувашии административно была разделена между Казанской и Симбирской губерниями. При этом города Цивильск, Чебоксары и Ядрин вошли в состав Казанской, а город Алатырь – в состав Симбирской губерний.

Первым из них обрел свой герб Алатырь. В высочайше утвержденном докладе Сената от 22 декабря 1780 г. дано следующее описание геральдического символа города: «Три золотые колчана, наполненные стрелами, в красном поле, в знак того, что сих мест жители сие орудие с похвалою употреблять умели». В главе щита был помещен герб Симбирска – «в синем поле на белом столбе золотая корона» – «в означение» территориальной принадлежности Алатыря. [33]

Утверждение гербов Цивильска, Чебоксар и Ядрина состоялось 18 октября 1781 года. Согласно описанию герб Цивильска представлял собой «большой старый коренастый дуб в золотом поле, в знак изобилия оных мест таковыми лесами», герб Чебоксар – «пять летящих в золотом поле диких уток, в знак того, что в окрестностях сего города оных очень изобильно», герб Ядрина – «треугольную пирамидою сложенные пушечные чугунные ядра в красном поле, означаящим собою имя сего города». В главе всех щитов было помещено изображение герба Казанского – «змей черный, под короною золотою Казанскою, крылья красныя, поле белое». [34] Составителем всех перечисленных гераль-

дических знаков городов был Александр Андреевич Волков, исполнявший обязанности герольдмейстера с 1777 по 1783 гг.

Следует, однако, отметить, что традиция деления щита пополам и помещение в верхней части герба наместничества (позднее – губернии), введенная в российскую геральдику товарищем герольдмейстера И.И. фон Эндемом в 1778 г., в дальнейшем вызвала критику среди знатоков геральдической науки в XIX веке. При подобной композиции главной являлась эмблема наместнического герба, а символ самого города играл подчиненную роль, занимая в гербовом щите второстепенное место. [35] Эта «своеобразная конструкция российского городского герба, – по мнению Н.А. Соболевой, – визуально воплощала суть правительственной политики по отношению к городу: город (это показано при помощи подчиненности, вторичности городского герба) имеет самостоятельность (самоуправление) по монаршему благоволению (символ верховной власти над городским гербом)». Кроме того, во внешней форме герба города нашла отражение и политика правительства по урегулированию административно-территориального устройства России. Форма герба (вверху – наместнический (губернский), основной, внизу – городской, подчиненный) соответствовала реальной структуре административного деления России. [36]

Кульминацией формировавшейся в XVIII веке системы городских геральдических символов стала «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г., в которой гербам была посвящена отдельная двадцать восьмая статья: «Городу иметь герб, утвержденный рукою Императорскаго Величества, и оный герб употреблять во всех городских делах. *Примечание.* В жалованных грамотах включается в сем месте настоящий герб того города красками изображенный, а внизу описание герба». [37]

Оценивая события, предопределившие появление геральдических символов у городов Российской империи, следует отметить, что для развития городской символики изначально определяющим фактором стало копирование западных традиций. «Главным критерием для принятия того либо иного «иноземного обычая» – как справедливо полагает К.В. Татарников – (не важно, идет ли речь о символике на воинских знаменах, покрое одежды или видах досуга), была не столько прямая необходимость, сколько степень его распространенности, а точнее – частота употребления в западных странах. Таковым образом – через подражание во внешних формах – демонстрировалось восприятие европейской системы ценностей. Вхождение россиян (действительное или желаемое – вопрос другой) в семью «просвещенных народов» закономерным образом потребовало унификации по принятому в ней образцу целого ряда знаковых систем, государственных и общественных институтов». [38]

Однако, какими бы не были первопричины появления городских гербов, необходимо отметить, что, начиная со второй четверти XVIII столетия, они стали частью государственной управленческой культуры, выразителями официальной идеологии. Характеризуя городские гербы Российской империи как подлинно государственные знаки, Н.А. Соболева приводит следующие аргументы в пользу такой их оценки: «Во-первых, в России они возникли в XVIII–XIX вв. под эгидой верховной власти и подобно прочей государственной символике оформлялись законодательно. Их описание вносилось в Полное собрание

законов Российской империи. Во-вторых, бесспорна близость художественного оформления многих городских гербов и других символов государственной власти. В обоих случаях заметна идеологизированность символики. В-третьих, в городской символике среди явных атрибутов самодержавия присутствуют и индивидуальные черты города, местности, их «особенности», составляющие непередаваемую индивидуальность, красоту этих сторон жизни России, что, бесспорно, пробуждает патриотические чувства, как и главные символы страны, символы ее государственного суверенитета». [39]

После 1917 г. традиция «обозначивания» города особым отличительным знаком прервалась. В контексте последующих событий особо следует подчеркнуть, что новая власть формально не отменяла прежнюю городскую символику, а лишь прекратила ее официальное использование. То есть создававшиеся в Российской империи на протяжении 200 лет городские гербы фактически сохранили свою легитимность.

Важным атрибутом новой эпохи становится красное знамя – «боевое» или «трудовое». Однако получал этот символ не сам город, а местный орган власти – городской совет депутатов (рабочих, солдатских и крестьянских; трудящихся; народных). Именно на эти знамена крепились ордена и орденские ленты в случае награждения населенного пункта государственной наградой. Красные знамена были не только у местных Советов, но и у общественных организаций (КПСС, ВЛКСМ, ВЦСПС), предприятий и организаций. Торжественный вынос знамен был обязательным элементом проведения официальных мероприятий.

Говорить об индивидуальности подобных атрибутов не приходится. Неизменное изображение Герба Советского Союза и портрета основателя Советского государства и коммунистической партии В.И. Ленина сопровождалось лишь указанием принадлежности конкретного знамени.

Некоторое смягчение идеологического прессинга на историческую науку, обусловленное «хрущевской оттепелью», позволило поставить вопрос и о возврате к традициям обозначения населенных пунктов особым отличительным знаком – гербом. Все чаще стали раздаваться голоса в поддержку этого начинания.

С инициативой «придумать эмблему своего города, области, края» выступил в одном из ноябрьских номеров газеты «Известия» за 1959 г. писатель Даниил Гранин. Несмотря на то, что его статья в своей основе была посвящена развитию идей ленинского плана монументальной пропаганды, в частности, увековечению памяти лиц, именами которых названы улицы, само ее название – «Пусть у города будет герб» – фактически прозвучало призывом к возрождению традиций использования геральдических символов в жизни современных городов. Причем, как полагал автор, «это может быть достигнуто соединенными усилиями художников, скульпторов, поэтов, архитекторов», а организаторами этого дела должны были выступить местные Советы. [40]

Публикация в газете породила заинтересованные отклики читателей «Известий». Так, например, в письме профессора К. Кострина из Уфы указывалось: «Наши предки гербами выражали главное дело своего города, то, чему посвящали жизнь. – Гербы наших замечательных городов должны еще более ярко и образно изображать то главное, что совершено в этом городе». По его

мнению, на гербах должны были изображаться эмблемы нефти и химии (Уфа), эмблемы угля (Караганда), эмблемы машиностроения (Свердловск), гидроэлектростанция (Куйбышева), характерные особенности города, его наиболее известные здания и природные достопримечательности. «По мнению многих читателей, – отмечала газета, – гербы уже складываются сами по себе». Читатель А. Заболотников из Москвы указывал, что спортсмены некоторых городов используют геральдические символы на своей форме: горьковчане – оленя, ярославцы – медведя (как известно эти изображения были на старинных гербах Нижнего Новгорода и Ярославля). Высказывались предложения сделать герб города «маркой выпускающей промышленной продукции». «Надо полагать, – резюмировала редакция газеты, – что предложения, высказанные писателем Д. Граниным и поддержанные читателями «Известий», станут предметом обсуждения широкой общественности – среди депутатов местных Советов, художественной интеллигенции, в частности, среди художников, которым принадлежит немалая роль в создании гербов наших городов, в дальнейшем развитии ленинских мыслей о монументальной пропаганде». [41]

Эти идеи получили развитие на страницах журнала «Декоративное искусство СССР». В первом номере за 1961 г. издание опубликовало небольшую статью С. Земцова «О гербе города», проиллюстрированную десятью проектами городских гербов О. Силантьева. Комментируя рисунки, автор статьи указывал, что они «ни в коей мере не являются образцами, в них художник лишь намечает пути, по которым следует вести проектирование гербов». Таких путей было обозначено два: первый – это поиски формы на основе традиционной геральдики с использованием старой символики, дубовых венков, лент и т.д., второй – создание новых гербов с символикой, олицетворяющей современный советский город. [42] «За сорок лет развития Советского государства, – подчеркивал автор, – накопился опыт социалистической эмблематики, поэтому сейчас вопрос создания и утверждения новых городских гербов должен найти свое место в ряду важных государственных мероприятий. Назрела необходимость «озаглавить» наши города торжественными, яркими и лаконичными гербами, которые говорили бы сердцу каждого советского гражданина о славе его города, воспитывали бы патриотические чувства, любовь к родной стране. <...> Герб это и есть графическое выражение того «норова», тех индивидуальных, экономических, исторических, природных особенностей, отличающих города друг от друга. Присвоение герба городу – это акт государственного значения, и само создание городского герба, так же как и его вручение представителям общественности города, должно регламентироваться специально разработанным статутом». [43] Кроме того, автор предлагал использовать городской герб на здании городского Совета, на фронтонах вокзала, пристани, театра, на трамваях, автобусах и такси, в городских средствах массовой информации, в деловой переписке городских организаций. Гражданам города, чьи портреты помещались на Доску почета, предлагалось в торжественной обстановке вручать нагрудный знак с изображением герба. [44]

Научные сотрудники Государственного исторического музея в статье «Рассказывают гербы», опубликованной в журнале «Наука и жизнь» за 1965 г., совершив небольшой экскурс в историю российской геральдики, отмечали:

«Вспоминая старые городские гербы, невольно задумываешься: не следует ли возродить эту традицию? Вопрос этот уже поднимался в печати. Конечно, неузнаваемо изменился облик большинства старых городов, возникли сотни новых, социалистических. Нужны новые символы – символы нашей эпохи. Вероятно, можно отказаться от некоторых правил классической геральдики. Но многое останется. И забытая наука опять будет полезна людям, по-своему, красочно и лаконично отражая главные черты современных городов, их яркое прошлое и героическое настоящее». [45]

Подобного рода предложения не могли оставаться незамеченными, в том числе и со стороны властных структур. Так, например, в 1966 г. постановлением правительства Литовской ССР была создана Республиканская комиссия по геральдике, которая взяла на себя заботу о городских гербах Литвы. Ею рассматривались проекты вновь создаваемых или изменяемых старых гербов, которые затем утверждались городскими или районными исполнительными комитетами. В нее вошли представители министерства культуры (возглавил комиссию заместитель министра культуры республики), юристы, художники, историки и др. [46]

Однако, в череде публикаций на эту тему обращает на себя внимание один немаловажный факт. В обсуждении проблем городской геральдики изначально тон был задан не профессиональными историками, а представителями творческих профессий. Наученные горьким опытом гонений на историческую науку и историческое краеведение, ее представители включились в эту сферу общественной инициативы лишь после того, как стал очевиден массовый интерес к гербам, который уже нельзя было игнорировать, и когда власти понадобилось придать этой общественной инициативе не только научное, но и «идеологически правильное» направление развития.

Как бы то ни было, начало было положено. Несмотря на существовавшее неофициальное противодействие, энтузиасты продолжали настойчиво трудиться над созданием новых гербов. Не осталась в стороне от этих процессов и Чувашия.

Главным событием второго периода в развитии городской геральдики на территории Чувашии стало обретение после более чем полувекового перерыва герба города Чебоксары – столицы республики. Принятие ныне используемого герба Чебоксар в 1969 г. являлось частью широкомасштабных мероприятий, посвященных 500-летию города. Но, очевидно, это был не единственный фактор, повлиявший на решение. Так, в интервью корреспонденту газеты «Советская Чувашия» заместитель председателя горисполкома и председатель жюри конкурса на лучший эскизный проект Е.В. Мастерова отмечала наличие гербов у таких крупных областных центров, как Горький и Ярославль, но особо упомянула о недавно утвержденном гербе города Йошкар-Ола – столицы соседней Марийской АССР. То есть события, происходившие в стране в сфере возрождения геральдической культуры, не остались незамеченными для местных городских властей. Она же озвучила и официальную позицию по поводу облика будущего герба: «Настоящая история Чебоксар началась лишь после Великого Октября, и сейчас наш город стал заметным в стране промышленным пунктом, университетским городом, бурно растущим центром орденоносной республи-

ки. Однако в новом гербе, кроме эмблемы, определяющей сегодняшнее экономическое, культурное и политическое лицо Чебоксар, должны найти место и геральдические знаки старого герба. Тем самым должен быть подчеркнут разительный контраст между прошлым города и его настоящим». [47]

Принять участие в конкурсе мог любой желающий – самостоятельно или в составе авторского коллектива. Причем, участники могли выступить с неограниченным количеством конкурсных проектов. Каждый проект с приложением подробного описания сопровождался девизом, а фамилии авторов запечатывались в конвертах. В состав жюри вошли деятели искусств, ученые, представители общественности.

В конкурсе на право называться главным городским символом участвовало 276 проектов. Работа над гербом длилась около двух месяцев и широко освещалась средствами массовой информации. Можно без преувеличения утверждать, что к выбору эмблемы столицы Чувашии не осталось безучастным не только население города, но и всей республики. Вот как описывают организаторы конкурса представленные проекты: «Прежде всего бросается в глаза упорный поиск современной эмблемы города – основного элемента герба. Предложения тут разные – от памятника прославленному земляку Чапаеву до колосьев, от плотины Чебоксарской ГЭС до стилизованных изображений дубовых листьев. На многих проектах символы, отражающие промышленное развитие города, – шестерни, реторты, циферблаты приборов, мотки пряжи, кипы ткани, ажурные опоры электролиний, строительные конструкции. Некоторые предлагают в качестве эмблемы товарные знаки городских предприятий. Стремление подчеркнуть волжский характер Чебоксар заключено в эмблеме парящей чайки, якоря, теплохода, волн и даже... русалки с молотком в одной руке и с мастерком в другой. Встречаются эмблемы солнца, электрической лампы, космического корабля, есть и синусоида электричества, и стилизованный зигзаг электрического разряда». [48]

Из всех проектов жюри отклонило 76 «слабо выполненных эскизов, не отвечающих условиям конкурса», еще 129 работ было решено частично использовать при определении окончательного изображения герба, и только 71 лучший проект был вынесен на всеобщее обсуждение – выставку отобранных работ, которая и должна была помочь в принятии решения по итогам конкурса. [49] Как и было запланировано, она прошла в январе 1969 г. Местом ее проведения стал Дом политпросвещения. [50] Отзывы и пожелания посетителей выставки были учтены жюри.

Но сами итоги конкурса оказались неожиданными. Ни один из проектов не получил не только первую, но и вторую премии. Лишь несколько из них были отмечены третьими премиями. Жюри сочло необходимым продолжить разработку герба и после подведения итогов. Она была поручена одному из авторов отмеченных эскизов, художественному редактору Чувашского государственного книжного издательства Э.М. Юрьеву, который, с учетом пожелания членов жюри и представителей общественности разработал герб, сохранив при этом главный элемент герба-предшественника, высочайше утвержденного в 1781 г., – пять летящих конвертом уток. Этот вариант был одобрен художе-

ственным советом и рекомендован исполкомом горсовета для рассмотрения на сессии.

Утверждение нового герба состоялось 5 июня 1969 года. [51] В его описании указывалось: «Герб города Чебоксар представляет собой четырехугольный щит с заострением внизу при отношении высоты к ширине как 6:5. Верхняя часть щита (две седьмых по высоте) имеет красный цвет, нижняя (пять седьмых по высоте) – синий. Это цвета государственных флагов РСФСР и Чувашской АССР, символизирующие советский период истории. Когда Чебоксары из захолустного уездного городка превратились с помощью русского и других братских народов в крупный индустриальный и культурный центр Поволжья, главный город социалистической автономии чувашского народа.

Верхняя, красная, часть щита (глава) отделена от нижней его, синей, части (основания) зубчатой линией, напоминающей стилизованные волны, что указывает на географическое положение Чебоксар на великой русской реке Волге.

На красном фоне главы – чувашский национальный орнамент, выполненный белыми линиями. Он состоит из трех стилизованных дубов, означающих прошлое, настоящее и будущее. Середина среднего дуба синего цвета с серебряными цифрами «1469», указывающими год первого летописного упоминания о Чебоксарах. Присутствие на гербе этой даты начала документированной истории Чебоксар не только подчеркивает историчность города, но и закрепляет собственно чебоксарскую принадлежность герба.

На синем фоне основания изображены силуэты пяти летящих влево от зрителя серебряных уток. Утки расположены так называемым «конвертом» то есть две в верхнем ряду, одна в центре и две в нижнем ряду. Эта старинная городская эмблема, присвоенная Чебоксарам еще в 1781 году в знак богатства окружающей город волжской природы, полностью сохраняет свое первоначальное значение. Однако, в отличие от дореволюционного изображения эмблемы, птицы на новом гербе даны в более стремительном полете». [52]

Впервые изображение нового герба было использовано в газете «Советская Чувашия» от 2 августа 1969 г. при публикации материалов по истории города под рубрикой «Чебоксарам – пять веков» [53], а уже с 27 сентября того же года художественная заставка для рубрики «Субботние Чебоксары» сменила силуэт главной достопримечательности города – памятника В.И. Чапаеву – на рисунок герба [54]. Изображение герба было помещено на пригласительные билеты для участников юбилейной сессии Чебоксарского городского Совета депутатов трудящихся, посвященной 500-летию города, а также на программу праздничного концерта по случаю этой даты. [55]

На появление нового герба у Чебоксар откликнулась и всесоюзная пресса. Так, журнал «Наука и жизнь» в одном из номеров за 1970 г. опубликовал его вместе с другими новыми гербами городов Российской Федерации. [56] В 1978 г. это же издание поместило изображение коллекционного значка с воспроизведенным на нем гербом города. [57]

Новый герб постепенно вошел в сознание горожан как неотъемлемая часть повседневной жизни, важный элемент внешнего облика крупного волжского города. С тех пор он широко используется на товарной продукции мест-

ных предприятий, сувенирных изделиях, справочно-информационных и рекламных изданиях. Таким образом, герб столицы Чувашской Республики в его новой интерпретации стал частью ее истории, прочно ассоциируется в сознании горожан с современным обликом Чебоксар. По этой причине городское собрание депутатов отказывается от возврата к историческому гербу, даже, несмотря на то, что Герольдия при Президенте Российской Федерации не принимает городской герб к регистрации в Геральдическом регистре в его нынешнем виде.

Тем не менее, значение этого события для истории геральдики в Чувашии трудно переоценить. Во-первых, это была первая в республике попытка возрождения древней традиции официального применения гербов в жизни города. Во-вторых, это был и первый опыт «осовременивания» старинного облика его геральдического символа. Наконец, самое главное – появление герба у столицы республики открыло дорогу для создания аналогичных геральдических эмблем и в других населенных пунктах республики.

Однако, понадобилось еще несколько лет, прежде чем этот опыт получил дальнейшее развитие. Причем, следующим шагом стало создание гербов населенных пунктов, никогда ранее ими не обладавшими. Так, в 1976 г. в Чувашии появилось сразу два новых городских герба: в феврале – у города Шумерля, а в июле – у города Канаша.

Принятию городской символики в обоих случаях предшествовал конкурс эскизов. Так, исполком Шумерлинского городского Совета принял решение о проведении конкурса еще в 1974 году. [58] В официальном сообщении об объявлении конкурса указывалось, что он должен был пройти в течение трех месяцев – с 10 сентября по 10 декабря. Его участникам предлагалось представить в отдел главного архитектора города оформленные на ватмане формата А 4 проекты герба, в которых необходимо было отразить «природные условия и черты промышленного производства Шумерли». К каждому проекту должна была прилагаться легенда – «объяснение символов герба». Для победителей конкурса устанавливались премии – одна первая в 50 рублей и две вторых по 25 рублей. [59]

Однако за все время проведения конкурса ни один из проектов не был опубликован в местной прессе, а принятое обычно в таких случаях обсуждение эскизов на страницах газеты не проводилось. Всего для участия в конкурсе было подано более десятка проектов. [60] Местная газета «Вперед» в номере за 8 июля 1975 г. сообщила об утверждении исполкомом городского Совета решения жюри по его итогам. Были отмечены три лучшие работы: первая премия досталась художнику декоративно-прикладного искусства В. Горбунову, вторые – художникам-оформителям Г. Стаканкину и двум соавторам В. Резникову и В. Колчину. При этом ни описания герба, ни его изображения опубликовано не было. [61] Более того, ни в одном протоколе исполкома за весь 1975 г. такого решения не зафиксировано!

Окончательно геральдический символ города был утвержден 11 февраля 1976 г. на заседании исполкома горсовета. Решение по этому вопросу было предельно лаконичным: «Представленный на рассмотрение эскизный проект герба гор. Шумерля, выполненный автором Горбуновым В.Р., утвердить». При-

чем ни его изображения, ни его описания к данному документу приложено не было. [62]

Герб города Шумерли представлял собой обрамленный золотой канвой французской щит, в красном поле которого была изображена белая (серебряная?) шестерня, внутри нее – зеленый дубовый лист с двумя желудями; под ними – синяя волнообразная линия. Шестерня и дуб, очевидно, должны были символизировать «природные условия и черты промышленного производства Шумерли», а синяя волнообразная линия – реку Суру. В серебряном поле главы щита были помещены красного цвета чувашский орнамент и название города, написанное золотыми буквами.

В г. Канаш для участия в конкурсе было подано 18 проектов. Как указывалось в официальном сообщении, в их разработке принимали участие «рабочие, служащие, школьники, художники» (именно в такой последовательности!). Проекты были представлены для обсуждения депутатам, принимавшим участие в VIII сессии городского Совета. [63] Причем, ни в официальном сообщении о ее проведении [64], ни в самом протоколе сессии [65] вопрос об обсуждении городского символа в повестке дня не значился. Большинство городских избранных отдавало предпочтение проекту, подготовленному машинистом локомотивного депо В.И. Трекозовым. Он и был утвержден исполнительным комитетом городского Совета 21 июля 1976 года. [66]

В описании обретенного городом символа указывалось: «Герб Канаша представляет собой щит, основной фон которого красный с голубой полосой в верхней части – цвета государственного флага РСФСР. По голубому полю золотыми буквами написано слово «Канаш». На красном поле помещена шестерня голубоватого цвета, символизирующая машиностроительную и металлообрабатывающую промышленность, к которой относятся наиболее крупные предприятия города. Поверх шестерни по ее горизонтальной оси расположен рисунок серебристых крыльев, символизирующих движение, в данном случае железнодорожное и автотранспортное, играющее наиболее важную роль в промышленном потенциале города. В верхней части щита на бордовом фоне золотом нанесен рисунок чувашского национального орнамента». [67]

Как видим, общим для гербов Шумерли и Канаша стало изображение шестеренки, как олицетворение индустриального развития. Такой подход был вполне закономерен в условиях социального заказа, формировавшегося идеологическими установками партийных органов. К сожалению, все это реализовывалось вне рамок вековых традиций геральдики. Так, впервые появившись на городских гербах Чувашии, символы промышленности (в их советском понимании) положили, к сожалению, начало традициям псевдогерботворчества.

К середине 1980-х годов ситуация в сфере общественного интереса к отечественной геральдической культуре стала меняться коренным образом. Важную роль в деле ее популяризации сыграл один из самых читаемых журналов советского времени «Наука и жизнь», публиковавший на своих страницах исторические гербы городов Российской империи, а также вновь создаваемые геральдические эмблемы населенных пунктов Советского Союза.

Важным этапом на пути возрождения интереса к местной символике стало образование в 1987 г. Координационной комиссии по созданию и пропаган-

де новых городских гербов при Отделении истории АН СССР. В нее вошли представители от аппарата Президиума Верховного Совета СССР, Советского Фонда культуры, Министерства культуры СССР, художники, фалеристы. Возглавил комиссию член-корреспондент АН СССР Ю.А. Поляков, а его заместителем стала авторитетный ученый и крупнейший отечественный специалист по геральдике, доктор исторических наук Н.А. Соболева. В задачи комиссии входило научное консультирование местных органов власти по вопросам составления городских гербов, налаживание учета уже созданных гербов, организация их публикации с соответствующим научным комментарием. [68]

Значение этого события для того времени трудно переоценить. Оно придало новый импульс созданию гербов на местном уровне. Учитывая повышенный интерес к герботворчеству во множестве городов страны, комиссией была подготовлена специальная памятка, в которой были изложены принципы разработки городского символа. [69]

Таким образом, процесс возрождения и создания новой городской символики в Советском Союзе стал одним из факторов общественного развития, признанным органами государственной власти и научным сообществом на самом высоком уровне. Весьма симптоматичным в этой связи представляется высказанное на страницах журнала «Наука и жизнь» предложение одного из читателей о назревшей необходимости «всеобщего завершения создания гербов наших городов». Мотивировалось это расширением обмена общественных, культурных и спортивных связей между городами страны и мира, увеличением количества городов-побратимов. Поэтому, резюмировал автор письма, «каждый советский город должен иметь свою визитную карточку». [70] С этой аргументацией трудно было не согласиться.

Именно в такой обстановке повышенного интереса к геральдике и возрождению традиций обозначения городов особыми геральдическими символами продолжился в Чувашии процесс возвращения городам республики их исторических гербов.

В 1980-е гг. еще два города Чувашии вернули себе официальный символ – Цивильск и Ядрин. Причем Цивильск сделал это даже дважды – в 1983 и в 1989 гг.!

При этом данные о проведении в Цивильске конкурса и его итогах в 1983 г., а также описание или изображение герба в местной прессе не публиковались. Автором городского символа был учитель Цивильской средней школы № 2 Е.И. Соболев. При проведении повторного конкурса в 1989 г., приуроченного к празднованию 400-летия города, ему была предоставлена возможность вынести на суд жителей города описания сразу пятнадцати своих проектов и шесть эскизов. В одном из мартовских номеров районной газеты «Путь Октября» для этого было отведено более одной полосы. Причем, как указывал автор, всего со времени принятия первого варианта в 1983 г. им было разработано около сорока вариантов герба. [71]

Комментировать каждый из предложенных проектов нет смысла. Отметим лишь принципиальную позицию автора. «Отдавая дань старине и ее людям, но не забывая о том, что и мы делаем историю, и наш труд находит свое место в истории города <...>», Е.И. Соболев в ряде случаев попытался сохранить

в новой интерпретации старинный символ города – дуб, а в других использовал изображения местной достопримечательности – Тихвинского монастыря; опоры линии электропередачи; цветных полос, обозначающих, по мнению автора, дороги; главы щита герба Чебоксар и другие элементы. Особое внимание было уделено чувашскому национальному орнаменту, олицетворяющему культуру народа.

Главным же недостатком всех предложенных вариантов являлось произвольное использование финифтей и металлов, их трактовка, введение негеральдических фигур и т.д., т.е. полное игнорирование правил геральдики.

Нельзя не отметить еще один существенный момент. Проекты других авторов в местной прессе не публиковались и не обсуждались. Меньше чем через месяц с момента публикации указанных проектов – 28 апреля 1989 г. – сессия городского Совета народных депутатов утвердила городской герб. Официальное уведомление о новом городском символе было предельно кратким. «Новый герб города Цивильска утвержден на девятой сессии горсовета народных депутатов. Эскиз подготовлен учителем Цивильской средней школы № 2 Евгением Ивановичем Соболевым» – сообщалось на первой полосе газеты «Путь Октября» за 20 июня 1989 года. Здесь же было помещено его черно-белое изображение. При этом описания герба дано не было. [72]

В своем новом виде герб Цивильска представлял собой французский щит, поделенный на четыре части: в верхней – голубой – было помещено название города, написанное серебряными буквами; ниже – в красном поле заимствованный из герба Чебоксар серебряный чувашский орнамент, в центр которого на золотом фоне была вписана красными цифрами дата «1589»; еще ниже – в золотом поле коричневый дуб с зелеными листьями; в оконечности щита – узкая зеленая полоса.

В ходе проведения конкурса в Ядрине изначально было заявлено о необходимости сохранения в новом гербе его прежнего главного элемента – сложенных треугольной пирамидой ядер, что совершенно справедливо, так как ядринский герб считается «говорящим» и является в этом смысле единственным в республике.¹ Так, один из участников конкурса фотокорреспондент газеты «Знамя труда» В. Артемьев, представляя для обсуждения свой проект, отмечал: «Главным условием при создании новых гербов городов я считаю бережное отношение к старинным гербам – как к памятникам истории. <...> При создании нового герба г. Ядрина не стоит изошряться – ища для него новый символ, в ущерб историческим традициям. Основной элемент – ядра нужно оставить, как символ того, что здесь стоял сторожевой пункт стрельцов, охранявших границы русского государства от набегов кочевых племен. А верхнюю часть пусть, согласно древним традициям, займет изображение уток – символ столицы Чувашии». [73]

Это мнение было поддержано другими участниками конкурса – методистом районного Дома культуры В. Кораблевым и директором Ядринской детской художественной школы В. Разумовым. Оба также предложили ввести в

¹ Говорящим называют герб, когда его изображение связано с названием (именем) владельца.

герб чувашский национальный орнамент. Вот каким видел будущий городской символ В. Кораблев: «В верхней части предлагаю декоративный орнамент – подобие чувашской вышивки, напоминающий двух птиц, обращенных друг к другу. Их объединяет элемент орнамента, напоминающий крышу дома (первого жилья, появившегося на территории будущего города), под крышей указана дата первого упоминания о городе – 1590. Ядра в нижней части герба подняты на небольшом пьедестале, что подчеркивает прошлое происхождение герба г. Ядрина с ядрами на красном фоне». [74]

Поддерживая проект герба В. Артемьева, В. Разумов отмечал: «<...> Считаю, что в верхнюю часть герба не нужно втискивать полностью герб столицы, а достаточно узора национального характера на голубом фоне. Тем более, голубой фон – символ реки и чистого неба – отлично сочетаются с нижним красным фоном (красный цвет в геральдике означает храбрость)». [75]

Следует отметить, что были и альтернативные взгляды на будущий городской герб. Так, директор детской художественной школы из д. Верхние Ачаки М. Разумов представил на суд жителей города и района два весьма футуристичных проекта. К сожалению, они были опубликованы без описания. Поэтому ограничимся лишь указанием на то, что в обоих были воспроизведены название города и дата его основания, а также некие зубчатые колеса. В одном из них были использованы мотивы чувашской национальной вышивки, а в другом – фигуры, с трудом поддающиеся описанию. [76]

Итоги длившегося около двух лет конкурса были подведены в начале августа 1989 г. В числе его участников были преподаватели местных детских художественных школ, фотокорреспондент газеты, работник Дома культуры, слесарь кирпичного завода и др. Всего было рассмотрено более трех десятков рисунков предполагаемого герба, из которых был выбран один, разработанный директором городской художественной школы В.Н. Разумовым. Он и был представлен на обсуждение девятой сессии Ядринского городского Совета народных депутатов, которая утвердила его «как современный герб Ядрина». В описании герба указывалось: «Герб города Ядрина представляет собой четырехугольный щит с заострением внизу при отношении высоты к ширине 6:5. Верхняя часть щита (две седьмых по высоте) имеет синий цвет, нижняя (пять седьмых по высоте) – красный. Это цвета государственных флагов РСФСР и Чувашской АССР, символизирующие советский период истории города. Кроме того, здесь соблюдена преемственность от старого герба Ядрина: в центре красного поля – сложенные в кучу боевые ядра... Верхняя часть герба (глава) отделена от нижней красной части (основания) зубчатой линией, напоминающей стилизованные волны. Это указывает на географическое положение Ядрина на реке Суре. На синем фоне главы – чувашский национальный орнамент выполненный золотыми линиями. Он состоит из трех стилизованных дубов. Дубы эти означают прошлое, настоящее и будущее города Ядрина. «1590» – эти золотые цифры вписаны на средний символический дуб и указывают год первого летописного упоминания о Ядрине. Присутствие на гербе этой даты начало документированной истории Ядрина не только подчеркивает древность города, но и закрепляет собственно ядринскую принадлежность герба. На красном фоне основания герба изображены золотые ядра. В отличие от прежнего герба ядра

эти на новом гербе даны в стилизованном виде. В порядке преемственности, они указывают на историчность Ядрина, как бывшего города – крепости». [77] Как видим, этот текст был попросту заимствован из описания герба Чебоксар 1969 года.

Весьма символично, что возвращение городской символики обоих городов состоялось практически одновременно, также как когда-то вместе они были высочайше утверждены рукою Екатерины II. Что же кроме этого объединяет оба эти события в истории местной геральдики. Принятие новых гербов Цивильска и Ядрина было связано с празднованием юбилейных дат – 400-летием их основания. В обоих случаях утверждению обновленных гербов предшествовала публикация эскизных проектов в местных средствах массовой информации для обсуждения. Оба герба сохранили свои исконные элементы: большой старый коренастый дуб – на гербе Цивильска и треугольная пирамида из сложенных пушечных ядер – на гербе Ядрина. Одинаковой стала и глава щитов, позаимствованная из герба Чебоксар 1969 года. Таким образом, была возрождена заложенная создателями гербов XVIII века особая композиция гербов, о которой говорилось выше.

Последними событиями данного периода истории городских гербов Чувашии стало появление гербов у села Порецкое и города Мариинский Посад – старинных поселений, ранее не имевших своего геральдического символа.

Герб села Порецкое был утвержден на четвертой сессии Порецкого сельского Совета народных депутатов 6 февраля 1991 г. Его автор – заслуженный художник Чуваши, лауреат государственной премии Чувашской ССР имени К. Иванова Э.М. Юрьев. К сожалению, сведений о проведении конкурса, поданных проектах и прочих организационных мероприятиях, связанных с его созданием, выявить не удалось.

В описании герба указывалось: «Гербом села Порецкого является изображение на серебряном геральдическом щите колокольни Троицкого собора в окружении корабельных сосен на фоне холма у реки, по которой плывет стерлядь. В правом верхнем почетном углу геральдического щита помещен земельный герб Симбирска, в левом – Нижнего Новгорода. В наружном оформлении в верхней части герба помещена деталь герба города Чебоксары. Между нею и геральдическим щитом находится покрытая пурпурной финифтью лента, заканчивающаяся справа и слева русским орнаментальным мотивом. В центре ленты – серебряная дата «1591».

Деталь герба города Чебоксары указывает на современное административное положение села Порецкое: оно входит в состав Чувашской ССР, столицей которого является г. Чебоксары.

Дата «1591» – год первого упоминания Порецкого в русских летописях.

Земельные гербы Симбирска и Нижнего Новгорода указывают на историческое прошлое Порецкого, что оно в разные годы своего существования входило в Симбирскую и Нижегородскую губернии.

Река с плывущей стерлядью и холм, возвышающийся за изображением колокольни, указывают на географическое положение Порецкого. Это река Сура, некогда богатая рыбой.

Колокольня в центре герба – дань выдающемуся памятнику храмовой архитектуры и поныне являющемуся основной архитектурной доминантой Порецкого. Корабельные сосны, изображенные по краям колокольни, напоминают, что Порецкое находится в лесах, откуда вывозился лес для становления русского флота.

Верхнее поле герба покрыто пурпурной финифтью, нижнее – зеленой, река – голубой (синей)». [78]

Внешне очень эффектный герб, к сожалению, оказался не безупречным с точки зрения правил геральдики. Вместе с тем, он имел и одну отличительную особенность, делавшую его непохожим на другие аналогичные геральдические эмблемы. Впервые в геральдике Чувашии в его вольной части были помещены изображения Нижегородского и Симбирского гербов. В 2000-х гг. именно такой подход стал использоваться для обозначения территориальной принадлежности населенного пункта. Так, во всех современных официальных гербах Чувашии в вольной части муниципальных гербов помещается изображение главного элемента Государственного герба республики – «Древа Жизни».

В 1991 г. сессия Мариинско-Посадского городского Совета также утвердила городской герб (автор – В.А. Шипунов), впоследствии основательно переработанный. Его отличительной особенностью стала попытка автора использовать символ, традиционно применяющийся в классической геральдике – корону. Глава щита повторяла чувашский национальный орнамент, изображенный на гербе Чебоксар 1969 года.

Заключительным событием рассматриваемого периода стало создание в апреле 1991 г. Всесоюзного геральдического общества, которому, увы, не суждено было развернуть свою деятельность в силу известных политических событий, потрясших страну в том году.

Итак, выделим несколько ключевых моментов данного этапа. Прежде всего, необходимо отметить, что процесс формирования геральдической символики городов Чувашии проходил в условиях нарастающего интереса к геральдике и герботворчеству в целом в стране. Этому в значительной степени способствовали многочисленные публикации в профессиональных и научно-популярных журналах, издание научной литературы и переиздание наиболее значимых трудов по отечественной геральдике. Комментируя повышенный интерес к старым и новым гербам в нашей стране, председатель Координационной комиссии по созданию и пропаганде новых городских гербов при Отделении истории АН СССР Ю.А. Поляков как о свершившемся факте говорил о развитии молодой научной дисциплины – советской геральдике.

Массовое увлечение геральдикой, усилия энтузиастов по созданию гербов населенных пунктов уже не могли игнорироваться ни центральной, ни местной властью. Весьма показательным в этом смысле было участие партийных органов в мероприятиях по популяризации геральдических знаний и организации конкурсов по созданию местной символики. Например, выпущенная в Киеве обществом «Знание» Украинской ССР брошюра В.В. Румянцевой «Історія, карбована в гербах» («История, запечатленная в гербах») вышла в серии «История, теория и политика КПСС». [79] При проведении конкурса эскизных проектов герба Ядрина все замечания и предложения предлагалось направлять в

идеологический отдел райкома партии, а комиссию по его проведению возглавлял начальник этого отдела. [80]

Своеобразным драйвер-фактором процессов создания гербов в Чувашии во всех случаях была подготовка к празднованию юбилейных дат городов, что обеспечивало инициаторам создания гербов поддержку со стороны местных органов власти – городских Советов.

Вместе с тем, с точки зрения правил геральдики ни один из появившихся в рассмотренный период гербов нельзя считать полноценным. Это было обусловлено тем, что геральдические символы городов рождались в системе историко-культурных координат, формировавшихся под влиянием идеологических институтов того времени, что и определило специфику использовавшейся в то время символики. При этом явный приоритет отдавался не описанию (блазону) герба, а его художественно-графическому воплощению. Возможно, именно это обстоятельство сыграло решающую роль в подмене традиций классической геральдики творческими экспериментами художников в области советской эмблематики. Поэтому, очевидно, правильнее было бы называть подобные городские символы не гербами, а геральдическими эмблемами.

Представляются спорными и попытки авторов гербов Цивильска, Ядрина, Мариинского Посада дублировать главу герба Чебоксар в своих проектах. Во-первых, такой подход вызывал критику еще в XIX веке у специалистов в области геральдики, о чем уже говорилось выше. Во-вторых, в условиях Советской власти это не диктовалось какой-либо необходимостью и не имело под собой никаких оснований (правовых, научно-методических и др.). В-третьих, главным элементом герба Чебоксар были пять летящих «конвертом» уток, а не декоративный орнамент, вообще не имеющий отношения к геральдике.

Очевидно, поэтому уже на следующем этапе изображения части гербов, появившихся в рассмотренный хронологический отрезок, были пересмотрены.

Точкой отсчета третьего периода развития городской (а затем и муниципальной) геральдики можно считать создание в феврале 1992 г. Государственной геральдической службы Российской Федерации [81] и возникновение в апреле того же года Всероссийского геральдического общества. [82]

Эти события не остались незамеченными в Чувашии. Так, в мае 1993 г. Комитет по делам архивов Совета Министров Чувашской Республики (Чувашкомархив) был наделен дополнительными полномочиями, связанными с государственным регулированием создания и использования государственных символов, эмблем и иной символики, соблюдения законодательства в области геральдики в Чувашской Республике. Круг предоставленных ему полномочий был достаточно широк и включал: осуществление единой государственной политики в области создания и функционирования геральдической системы Чувашской Республики; координацию деятельности органов государственной власти Чувашской Республики в области геральдики; контроль за соблюдением законодательства в области геральдики на территории Чувашской Республики; подготовку проектов законодательных актов и нормативных документов, направленных на обеспечение проведения единой политики в области создания и использования официальных символов, разработку обязательных к исполнению правил, инструкций, методических пособий; проведение экспертизы

геральдических эмблем и ведение их централизованного государственного учета на территории Чувашской Республики; хранение эталонов – образцов официальных символов Чувашской Республики, а также местной символики; проведение проверок выполнения учреждениями, организациями и предприятиями, независимо от их ведомственной подчиненности и форм собственности, требований законодательства в области геральдики; осуществление международных связей в области геральдики. [83]

Одним из первых шагов комитета стала разработка «Положения о порядке использования учреждениями, организациями и предприятиями государственной символики Чувашской Республики и наименований «Чăваш Республики» – «Чувашская Республика». [84] Его реализация была возложена на специально созданную правительственную комиссию, положение о которой также было разработано Чувашкомархивом. [85] Он же осуществлял организационно-техническое обеспечение деятельности комиссии, а также разрабатывал проекты законодательных и нормативных правовых актов по вопросам ее компетенции. Так, в 1997 г. комитетом был разработан проект закона Чувашской Республики «О государственных символах Чувашской Республики» [86], ставший первым законодательным актом в этой сфере в России. Велась разработка проекта закона о муниципальных символах. Однако вся эта работа была фактически свернута в 2004 году после передачи функций Госкомитета по делам архивов Министерству культуры Чувашии.

Решение правительства республики о наделении одного из органов исполнительной власти (Чувашкомархива) полномочиями в области геральдики и создание Правительственной комиссии по выдаче разрешений на право использования государственных символов Чувашской Республики и наименований «Чăваш Республики» – «Чувашская Республика», ставшей предтечей Геральдической комиссии Чувашской Республики (образована в 2005 г.), было весьма своевременным. В начале 1990-х гг. размах герботворчества в Чувашии стал приобретать массовый характер. В 1993 г. появляются гербы города Новочебоксарска (автор – В.И. Разин), поселка Ибреси (автор – Э.М. Юрьев). В 1996 г. обрели свои гербы поселки Вурнары (в окончательном варианте – коллективный творческий труд всех художников – участников конкурса и членов комиссии) и Урмары (сведений об авторе найти не удалось). Среди них обращает на себя внимание вурнарский герб, так как впервые в главе щита появляется один из элементов государственных символов Чувашской Республики – «Древо Жизни», как знак территориальной принадлежности поселка.

Однако создание этих гербов происходило под влиянием практики, сложившейся в предшествующий период со всеми ее негативными моментами с точки зрения соответствия требованиям геральдики. В гербах продолжали использоваться кайма, название населенного пункта, дата его основания, шестеренки, колосья, химические реторты, имело место наложение друг на друга финифтей и т.д.

Исправить эту характерную не только для Чувашии, но и для всех регионов страны, тенденцию должно было утвержденное в марте 1996 г. Положение о Государственном геральдическом регистре Российской Федерации [87], призванное обеспечить единство государственной политики в области геральди-

ки, систематизировать и упорядочить использование официальных и отличительных знаков. В этот регистр, кроме прочего, должны были отныне вноситься «официальные символы местного самоуправления и иных муниципальных образований (флаги, гербы, эмблемы)». Без сомнения это была важная веха в истории развития современной отечественной геральдики.

Появление указанного документа совпало по времени с принятием и активной реализацией федерального и республиканского законодательства о местном самоуправлении, которое особо оговаривало наличие собственной эмблемы у местного самоуправления. К сожалению, создание гербов приобрело в республике неконтролируемый характер. Крайне отрицательно сказалось желание глав местных администраций ускорить регистрацию уставов путем упрощения процедуры утверждения гербов, которая могла затянуть принятие этого главного документа самоуправления. Так, например, урмарская районная газета «Хёрлё ялав» напечатала 5 сентября 1996 г. проект Устава Урмарского района, первая статья которого предусматривала наличие герба, утверждаемого районным собранием депутатов. [88] А уже 5 октября 1996 г. она опубликовала его в качестве официального документа, принятого 12 сентября того же года собранием депутатов. Согласно тексту первой статьи, герб района был утвержден в этот же день! При этом никакой информации об объявлении конкурса, работе над проектом, авторе эскиза и других сведений жителям района на страницах печати сообщено не было, как, впрочем, не публиковалось ни изображения, ни описания герба. [89]

Увы, мало кто из руководителей районных администраций всерьез задумывался о негативных последствиях подобных действий. Сложный и ответственный процесс создания главного символа местного самоуправления стал лишь бюрократической формальностью. Создание гербов доверялось лицам мало или совсем незнакомым с тонкостями геральдической науки. За псевдогеральдической риторикой в описании и объяснении создаваемых символов часто скрывалось элементарное невежество ее авторов. Все это породило не только массовое и бездумное тиражирование шестеренок, колосьев, книг и тому подобных атрибутов, столь характерных для эмблематики советской эпохи, но и множество геральдических казусов, а иногда и просто курьезов.

Результат – безликость появившихся в этот период муниципальных символов, произвольное использование и истолкование цветов финифтей, геральдических фигур и т.д. Имело место и совершенно недопустимое с точки зрения правил геральдики воспроизведение на гербах названия населенного пункта, даты его основания и т.д. И уж совсем странным выглядело использование в гербах каймы, которая в геральдике является самостоятельным смысловым элементом, имеющим понижающее значение. Фактически это означало принижение статуса владельца герба! Очевидно, по этим причинам долгое время в Чувашии не было гербов, зарегистрированных в Государственном геральдическом регистре.

Попытка создать в начале 1990-х годов институт экспертов на уровне органа государственной власти закончилась неудачей. Чувашкомархив (с 1998 г. – Госкомархив Чувашии), наделенный соответствующими полномочиями в этой сфере и попытавшийся объединить усилия историков, краеведов, художников

в данной сфере, не смог стать полноценным центром по выработке государственной политики в данной сфере. К сожалению, в большинстве случаев он ставился перед свершившимся фактом принятия того или иного герба района, районного центра, поселения. Причина такого положения была проста – самостоятельность органов местного самоуправления подменялась самоуправством местных администраций в этой весьма специфической сфере деятельности. Работа же правительственной комиссии, деятельность которой обеспечивал комитет, свелась к выдаче разрешений на право использования наименования Чувашской Республики в названиях организаций. Но даже в этих условиях специалистами комитета проводилась определенная разъяснительная работа, оказывались консультационные услуги разработчикам местной символики. В ряде случаев это способствовало пересмотру геральдических эмблем, принятых в советское время и в начале 1990-х годов.

Таким образом, вопрос, каким быть современному гербу населенного пункта, оказался не так уж прост. И все же постепенно пришло осознание необходимости придать процессу герботворчества четко организованный и строго правовой характер. Мысли о создании единой системы геральдических символов республики особенно волновали народного художника Чувашии Э.М. Юрьева в последние годы его жизни. К сожалению, безвременная кончина в январе 2001 г. не позволила ему завершить этот процесс.

Однако дело, начатое основоположником геральдики Чувашии, было продолжено новым поколением чувашских художников-геральдистов. К их числу принадлежит заслуженный работник культуры Чувашской Республики, действительный член Всероссийского геральдического общества В.А. Шипунов, который в конце 1990-х гг. работал под методическим руководством члена Всероссийского геральдического общества Э.М. Юрьева.

В.А. Шипунов является автором абсолютного большинства современных муниципальных гербов и флагов Чувашской Республики. Им разработаны геральдические символы городов Мариинский Посад (1999), Цивильск (2002), Новочебоксарск (2005), Алатырь (2009); Цивильского (2002), Мариинско-Посадского (2003), Красноармейского (2004, совместно с Э.М. Юрьевым), Яльчикского и Батыревского (2007), Урмарского и Красночетайского (2009) районов; Шоршелского (2006), Октябрьского и Бичуринского (2007), Аксаринского, Большешигаевского, Карабашского, Кугеевского, Первочурашевского, Приволжского, Сутчевского, Эльбарусовского (2008) сельских поселений Мариинско-Посадского района; Красноармейского, Исаковского, Убеевского (2009), Чадукасинского, Пикшикского, Караевского, Алманчинского, Большешатьминского, Яншихово-Челлинского (2010) сельских поселений Красноармейского района; Староурмарского сельского поселения Урмарского района (2009); Старочукальского сельского поселения Шемуршинского района (2010); Порецкого сельского поселения Порецкого района (2011, в соавторстве с Э.М. Юрьевым); Ярославского сельского поселения Моргаушского района Чувашской Республики (2011). Все они прошли экспертизу в Геральдическом совете при Президенте Российской Федерации, занесены в Государственный геральдический регистр Российской Федерации.

Именно благодаря его активной творческой деятельности ситуация стала меняться в лучшую сторону. Фактически усилиями одного энтузиаста была проделана работа, оказавшаяся не под силу официальным органам. В первую очередь это касается обеспечения единства подходов к созданию муниципальной символики, ее строгого соответствия геральдическим правилам, а также активной популяризации геральдических знаний среди населения. В результате постепенно начала складываться система гербов муниципальных образований Чувашской Республики, прошедших государственную регистрацию и признанных российским геральдическим сообществом. [90]

Новым явлением в системе муниципальной символики Чувашии стал флаг, который, так же как и герб, служит одним из важнейших атрибутов, олицетворяющих собой самостоятельность муниципальных образований. Все принятые органами местного самоуправления в Чувашии флаги повторяют изображение герба и используются при проведении официальных мероприятий.

Ограниченный объем статьи позволил лишь в постановочном плане обозначить отдельные исторические аспекты широкого спектра проблем, связанных с созданием и функционированием муниципальной символики в Чувашской Республике. Все они, безусловно, требуют глубокого и всестороннего исследования. Подведем краткие итоги.

Особенность сформировавшейся в России в XVIII – начале XX вв. городской геральдической системы заключалась в том, что она конструировалась сверху путем монаршего соизволения, что предопределило, по выражению Н.А. Соболевой «сильный акцент на пропаганду официальной идеологии». Именно это обеспечило ей прочную правовую базу, унифицированный характер и генетическую связь с государственной символикой.

Создание городских гербов в 1960–1980-е годы происходило по инициативе снизу без соответствующего правового обеспечения в виде специального законодательства. В условиях советской власти такое вообще было невозможно, а любая законодательская инициатива подобного рода могла быть расценена как попытка возврата к «мрачному царистскому прошлому». Поэтому «рождение» геральдических символов населенных пунктов носило в большей степени стихийный, чем системный характер и в каждом конкретном случае обуславливалось местной инициативой. Последняя, как правило, была связана с празднованием юбилейных дат населенных пунктов. Эти и другие факторы не только значительно сужали возможности использования гербов в различных сферах государственной и общественной жизни, но и препятствовали формированию единой системы городской геральдики страны.

Современное законодательство России о местном самоуправлении обозначило право муниципальных образований на свою символику – гербы и флаги, которые в новых исторических условиях могли бы стать реальным олицетворением самостоятельности территорий в решении вопросов местного значения в интересах населения. Однако, данное направление государственной и общественной деятельности нуждается в серьезной правовой базе и комплексе организационных мероприятий, которые бы позволили муниципальным сим-

волам для начала стать полноценной частью единого геральдического пространства России.

Первостепенная задача в области создания современной системы муниципальной символики в Чувашии – органично вписаться в общероссийский и мировой геральдический контекст. Альтернативы этому пути не существует, так как геральдика, кроме прочих составляющих, это еще и универсальный язык глобальной коммуникации. Предлагать взамен ему псевдогеральдическую «тарабарщину», понятную лишь ее авторам, – задача бесполезная и бесперспективная.

Кроме того, как показывает опыт, гербы и флаги городских и сельских поселений, муниципальных районов не могут быть плодом чьей-либо личной фантазии, вкусов или пристрастий. Основой работы над ними должно стать объединение усилий историков, архивистов, краеведов, представителей местной общественности, юристов, художников-геральдистов, словом, всех кому не безразлично не только прошлое, но и будущее отдельного поселения, региона и страны в целом.

Библиографический список

- [1] Геральдические символы Ямала в законах, решениях, постановлениях и распоряжениях / Составитель В. И. Степанченко. – Салехард: 2001. – 160 с.; **Лавренов, В. И.** Геральдика Селигерского края. История и современность / В. И. Лавренов. – Тверь: Изд-во А. Ушаков и Ко, 2003. – 47 с.; **Шпунтов, А. В.** Гербы, эмблемы и символы Стародубья / А.В. Шпунтов. – Тверь, 2003. 61 с.; **Моченов, К. Ф.** и др. Официальные символы Челябинской области и муниципальных образований. / К. Ф. Моченов, Г. А. Туник. – М.: ИПЦ «Русский раритет», 2004. – 296 с.; Официальная символика Кубани // Известия геральдической комиссии при главе администрации Краснодарского края. Выпуск 1. – М.: «Гербы и флаги», 2006. – 96 с.; **Грефенштейн, А. К.** Официальные символы Свердловской области и составляющих ее муниципальных образований / А. К. Грефенштейн, В. К. Кондюрин, Е. Ю. Рукосуев. – Екатеринбург : Сред.-Урал. кн. изд-во, 2007. – 400 с.; Гербовник Костромской области. Региональная и муниципальная символика / Составители: В. А. Неймарк, И. А. Хлебникова. – Кострома: Редакционно-издательский отдел Костромской областной думы, 2008. – 120 с.; **Мочёнов, К. Ф.** и др. Липецкая область. Геральдика. История. Современность / К. Ф. Мочёнов, Ю. В. Коржик. – М.: «Регионсервис», 2009. – 208 с.; **Корников, А. А.** Геральдика Ивановского края / А. А. Корников. – Иваново: Изд. Ивановского государственного университета, 2010, 128 с.; **Мочёнов, К. Ф.** и др. Официальные символы муниципальных образований Красноярского края / К. Ф. Мочёнов, Ю. В. Коржик, В. Б. Дюков. – М.: «Гербы и флаги», 2011. – 168 с.; **Кошелев, А. В.** и др. Официальные символы Новосибирской области и муниципальных образований, входящих в ее состав / А. В. Кошелев, А. Ю. Журавков. – Новосибирск: ООО «Альфа-Порте», 2012. – 300 с.; Официальные символы Ямало-Ненецкого автономного округа / Г.В. Калашников (ред.). – Салехард: Издательство Баско, 2012. – 296 с.; **Хайрутдинов, Р. Р.** и др. Геральдическое наследие Республики Татарстан / Р. Р. Хайрутдинов, Р. Р. Салихов, И. Р. Миннуллин,

Г. М. Бушканец, И. Л. Измайлов, К. Ф. Мочёнов. – М.: «Регионсервис», 2012. – 328 с. и др.

[2] **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета / Н. А. Соболева. – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. – 488 с.; **Туник, Г. А.** Современная российская геральдика как фактор отражения социально-политической специфики Российского государства: историко-политологический анализ. Монография / Научн. ред. К. И. Калинина, А. Ф. Дашдамиров / Г. А. Туник. – М., 2007; **Туник, Г. А.** Современная российская геральдика в условиях политической модернизации / Г. А. Туник. – М.: Полиграфист и издатель, 2008. – 447 с.; **Вилинбахов, Г. В.** Государственная геральдика в России: теория и практика : Дисс. в виде науч. докл. ... д-ра ист. наук / Г. В. Вилинбахов. – СПб., 2003 – 105 с. **Туник, Г. А.** Современная российская геральдика как фактор отражения специфики российского государства: историко-политологический анализ : Автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Г. А. Туник. – М., 2008. – 53 с.

[3] **Кузьмин, М. А.** Правовой статус официальных символов муниципальных образований / М.А. Кузьмин // Вестник Чебоксарского кооперативного института : научно-теоретический журнал. – 2008. – № 2 (2). – С.140–144.

[4] **Ткаченко, В. Г., Шипунова, Г. Н.** Гербы и флаги: традиция и современность / В.Г. Ткаченко, Г.Н. Шипунова // Гербы и флаги современной Чувашии. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2013. – С.5–26.

[5] **Винклер фон, П. П.** Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи : Репринтное воспроизведение издания 1900 г. / П. П. фон Винклер. – М.: Планета, 1990. – 307 с.; **Лакиер, А. Б.** Русская геральдика : Подготовка текста и послесловие Н.А. Соболевой./ А.Б. Лакиер. – М.: Книга, 1990. – 432 с.; **Соболева, Н. А.** Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. / Н. А. Соболева. – М.: Наука, 1981. 264 с.; **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов / Н.А. Соболева. – М.: Наука, 1985. – 176 с.; **Сперансов, Н. Н.** Земельные гербы России XII – XIX вв. / Н.Н. Сперансов. – М.: Советская Россия, 1974. – 200 с.; **Шепелев, Л. Е.** Геральдика России XVIII – начало XX века / Л. Е. Шепелев. – СПб.: Аврора, 2003. – 400 с. и др.

[6] ПСЗ–I Т.V. – № 3380. – С.709, 710.

[7] Российское законодательство X – XX веков. В девяти томах. Т.4. Законодательство периода становления абсолютизма. – М.: Юридит. лит., 1986. – С.164.

[8] **Кизеветтер, А. А.** Местное самоуправление в России / А.А. Кизеветтер. – М., 1910. С. 97, 98.

[9] ПСЗ–I Т.VII. – № 2313. – С.588.

[10] ПСЗ–I Т.VII. – № 2319. – С.590.

[11] ПСЗ–I Т.VII. – № 4589. – С.360.

[12] **Татарников, К. В.** Знамена и гербы полков Российской армии царствований Екатерины I и Петра II (1725–1730) / К.В. Татарников // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. I. – С.54.

[13] Там же. С.54–55.

[14] Там же. С.55.

- [15] **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов / Соболева Н.А. – М.: Наука, 1985. – С.52.
- [16] **Татарников, К. В.** Указ. соч. С.57–66.
- [17] Там же. С.69–70.
- [18] Там же. С.77.
- [19] Там же. С.81 – 82.
- [20] Там же. С.87.
- [21] ПСЗ–I Т. VII. – № 5196. – С.895–896.
- [22] **Татарников, К. В.** Указ. соч. С.98.
- [23] Там же. С.98–99.
- [24] Там же. С.99.
- [25] ПСЗ–I Т. VIII. – № 5280. – С.46.
- [26] **Татарников, К. В.** Указ. соч. С.122.
- [27] Там же. С.124.
- [28] Там же. С.125, 128; см. также: РГИА Ф.1411. Оп.1. Д.1. Л.1–3 об.
- [29] ПСЗ–I Т. VII. – № 4552. – С.341.
- [30] **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов ... – С.71–72.
- [31] Российское законодательство X–XX веков в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. – М.: Юридическая литература. – 1987. – С.167.
- [32] ПСЗ–I Т. XX. – № 14392. – С.230.
- [33] ПСЗ–I Т. XX. – № 15101. – С.1027.
- [34] ПСЗ–I Т. XXI. – № 15260. – С.290.
- [35] **Соболева, Н. А.** Старинные гербы российских городов ... – С.99–100.
- [36] **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики: От тамги до символов государственного суверенитета / Соболева Н.А. – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. – С.176.
- [37] ПСЗ–I Т. XXII. – № 1618[8]. – С.358, 361.
- [38] **Татарников, К. В.** Русская полевая армия (1700–1730) : Обмундирование и снаряжение / К.В. Татарников. – М.: 2008. – С.85 – 86.
- [39] **Соболева Н. А.** Очерки истории российской символики ... – С.9.
- [40] **Гранин, Д.** Пусть у города будет герб / Д. Гранин // Известия. – 1959. – 17 ноября (№ 272). – С.4.
- [41] Пусть у города будет герб [Отклики, реплики, предложения читателей газеты] // Известия. – 1959. – 9 декабря (№ 290). – С.4.
- [42] **Земцов, С.** О гербе города / С. Земцов // Декоративное искусство СССР. – 1961. – № 1. – С.4.
- [43] Там же. – С.5.
- [44] Там же.
- [45] **Чижов, В.** Рассказывают гербы / В. Чижов, А. Шкурко // Наука и жизнь. – 1965. – № 12. – С.96.
- [46] **Андрюшквичюс, А.** Новые гербы литовских городов / А. Андрюшквичюс // Наука и жизнь. – 1970. – № 1. – С.96.
- [47] Герб Чебоксар. Каким ему быть? : Навстречу 500-летию нашего города // Советская Чувашия. – 1968. – 17 ноября (№ 268). – С.4.
- [48] 276 проектов герба г. Чебоксар // Советская Чувашия. – 1969. – 9 января (№ 7). – С.4.

- [49] Там же.
- [50] Каким будет герб г. Чебоксар? Выставка конкурсных проектов // Советская Чувашия. – 1969. – 15 января (№ 12). – С.4.
- [51] Герб Чебоксар // // Советская Чувашия. – 1969. – 4 июня (№ 127). – С.3.
- [52] Описание герба Чебоксар // Советская Чувашия. – 1969. – 4 июня (№ 127). – С.3.
- [53] Чебоксарам – пять веков. – Советская Чувашия. – 1969. – 2 августа (№ 178). – С.4.
- [54] Советская Чувашия. – 1969. – 27 сентября (№ 226). – С.4.
- [55] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р-427. Оп. 9. Д. 1044. Л. 74; Д. 1045. Л. 59.
- [56] Новые гербы городов РСФСР. – Наука и жизнь. – 1970. – № 8. – Обложка. – С.4.
- [57] Коллекционные значки «Гербы городов РСФСР». – 1978. – № 12. – Обложка. – С.4.
- [58] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р-1949. Оп. 1. Д. 202. Л. 179.
- [59] Будет герб города Шумерли : Участвуйте в конкурсе // Вперед. – 1974. – 21 сентября (№ 114). – С.1.
- [60] **Каринин, П.** Создавая, не разрушать / П. Каринин // Вперед. – 2011. – 29 апреля (№ 61-64). – С.5.
- [61] Подведены итоги конкурса эскизных проектов герба г. Шумерля // Вперед. – 1975. – 8 июля (№ 83). – С.2.
- [62] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р-1949. Оп. 1. Д. 255. Л. 73.
- [63] **Никитин, Н.** Герб нашего города / Н. Никитин // За коммунизм. – 1976. – 25 августа (№ 136). – С.2.
- [64] См.: За коммунизм. – 1976. – 21 июня (№ 116). – С.2-3.
- [65] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р-1243. Оп. 11. Д. 343. Л. 275.
- [66] ГИА Чувашской Республики. Ф.Р-1243. Оп. 11. Д. 374. Л. 41.
- [67] **Никитин, Н.** Герб нашего города / Н. Никитин // За коммунизм. – 1976. – 25 августа (№ 136). – С.2.
- [68] **Поляков, Ю.** Советская геральдика / Ю. Поляков // Наука и жизнь. – 1987. – № 9. – С.37.
- [69] Координационная комиссия по созданию и пропаганде новых городских гербов при Отделении истории АН СССР. Памятка [о разработке проектов городских гербов] // Наука и жизнь. – 1988. – № 7. – С.69.
- [70] Наука и жизнь. – 1988. – № 1. – С.129.
- [71] **Соболев, Е. И.** Я – за новый герб / Е.И. Соболев. – Путь Октября. – 1989. – 18 марта (№ 34). – С.3-4.
- [72] Новый герб города Цивильска // Путь Октября. – 1989. – 20 июня (№ 74). – С.1.
- [73] **Артемьев, В.** Каким мне видится герб Ядрина / В. Артемьев // Знамя труда. – 1989. – 11 марта (№ 32). – С.3.
- [74] Каким быть гербу // Знамя труда. – 1989. – 22 апреля (№ 50). – С.3.
- [75] Там же.

[76] [Идет конкурс на эскизы современного герба г. Ядрина] // Знамя труда. – 1989. – 15 апреля (№ 47). – С.3.

[77] **Белов, В.** Облик герба Ярина / В. Белов // Знамя труда. – 1989. – 12 августа (№ 97). – С.3.

[78] Герб села Порецкое // Заветы Ильича. – 1991. – 27 июля (№ 89). – С.4.

[79] **Румянцева, В. В.** Історія, карбована в гербах / В.А. Румянцева // Сер. 1 «Історія, теорія і політика КПРС»; № 12) – Київ: Т-во «Знання» УРСР, 1987.– 48 с.

[80] **Артемьев, В.** Каким мне видится герб Ядрина / В. Артемьев // Знамя труда. – 1989. – 11 марта (№ 32). – С.3.

[81] Российская Федерация. Правительство Российской Федерации. О Государственной геральдической службе Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 20 февраля 1992 г. № 102 (с изм., внесенными Постановлением Правительства Российской Федерации от 22.12.1992 № 1006) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=222628>

[82] Всероссийское геральдическое общество: Когда? Где? Кто? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vgo.ucoz.ru/> (дата обращения: 14.05.2014), свободный. Загл. с экрана. – Яз. рус.

[83] Чувашская Республика. Совет Министров. О наделении дополнительными функциями Комитета по делам архивов Совета Министров Чувашской Республики : Постановление Совета Министров Чувашской Республики от 27 мая 1993 года № 158 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/473602655>

[84] Чувашская Республика. Совет Министров. О порядке использования учреждениями, организациями и предприятиями государственной символики Чувашской Республики и наименований «Чăваш Республики» – «Чувашская Республика» : Постановление Совета Министров Чувашской Республики от 24 января 1994 г. № 20 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://zakon-region.ru/1/185868>

[85] Чувашская Республика. Кабинет Министров. Об упорядочении использования государственных символов Чувашской Республики и наименований «Чăваш Республики» – «Чувашская Республика» : Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 14 марта 1995 года № 62 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/473611080>

[86] Чувашская Республика. Государственный Совет Чувашской Республики. О государственных символах Чувашской Республики : Закон Чувашской Республики от 14 июля 1997 г. № 12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://docs.cntd.ru/document/804959267>

[87] Российская Федерация. Президент Российской Федерации. О Государственном геральдическом регистре Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21 марта 1996 г. № 403 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://base.garant.ru/1518690/>

[88] Устав Урмарского района : Проект // Хёрлĕ ялав. – 1996. – 5 сентября (№ 107). – С.1.

[89] Устав Урмарского района // Хёрлĕ ялав. – 1996. – 5 октября (№ 120). – С.1.

[90] См.: Гербы и флаги современной Чувашии : [альбом-справочник / сост. В. А. Шипунов.] – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2013. – 175 с.

Ткаченко Владимир Глебович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных технологий Чебоксарского филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», государственный советник Чувашской Республики I класса, e-mail: vlagletka@yandex.ru
